

Территория Творчества

Девять
Жизней

Шестое чувство

Валентина Спирина Девять Жизней. Шестое чувство

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735681
ISBN 9785449316530*

Аннотация

Шестое чувство – это шестая книга серии «Девять жизней». Здесь только прекрасная женская половина, наполняющая содержание книги трепетом, страстью, любовью, сказкой, чувствами и нежностью. Здесь можно поговорить по душам, выслушать и быть услышанным, порадоваться и проявить сочувствие. Усаживаемся поудобнее и мысленно наполняем бокалы восхитительным напитком из переплетения творческих линий, наслаждаясь терпким послевкусием вдохновения.

Содержание

Екатерина Алипова	6
Осенний Александр	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Девять Жизней

Шестое чувство

Редактор Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-1653-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Екатерина Алипова

Россия – Москва

Осенний Александр

I

«Невский экспресс» уходил с Ленинградского вокзала в половине восьмого. Лида была на перроне в семь десять: она любила вокзальную сутолоку, деловые спешащие поезда с заманчивыми надписями «Москва-Минск», «Москва-Адлер», виденные ею в разное время на разных столичных вокзалах, и, как память из детства – взгляд на перрон из поезда, везшего маленькую Лидочку Коростелёву с тётёй и двоюродной сестрой на юг, – загадочная, труднопроизносимая и потому смешная надпись на боку соседнего состава – «Москва-Лабытнанги».

Но самое неповторимое в вокзалах – конечно же, запах. Запах гари – запах долгих проводов-лишних слёз, лета и скорого отдыха, дороги и новых надежд. Лида любила этот вокзальный запах страстно, как токсикоман. Поэтому, ожидая, когда подадут поезд, девушка прогуливалась взад-вперёд по перрону, до приятных мурашек радуясь всему: вокзалу, запаху, московской осени, так приятно прощупывавшимся в кармане пальто билетам в Питер и обратно, своему новому зонтику, в прямом смысле слова, всех цветов радуги...

Этот зонтик, как и эти билеты, были дороги ей вдвойне, потому что стоили затраченных нервов. Зонт, надо ска-

зять, обошёлся малой кровью: тётка надулась, и полчаса в доме стояла напряжённая тишина, которую Лида не любила, но за столько лет научилась не бояться. Билеты обошлись дороже: та же тётя рыдала, причитала, чуть ли не падала на колени, умоляя племянницу не ехать в этот далёкий промозглый город, приводила разные доводы, начиная с нехватки времени и заканчивая предчувствием.

В сущности, Лида уже привыкла и научилась тихо и предельно вежливо, мило улыбаясь, гнуть свою линию, но когда у милейшей Зои Николаевны случались эти приступы истерики, она казалась племяннице такой безобразной и такой жалкой, что начинало хотеться не ехать ни в какой Питер, а забиться подальше в угол, укрыться с головой одеялом и не дышать. И вот такие моменты надо было пересилить, не сдаться. Этому Лида только училась. Пару раз, поддавшись на уговоры, она уже упустила что-то интересное. Третий раз не поведётся на эту трагикомедию ни за что. Удалось. Ценой многих слёз и нервов, но удалось.

Наконец, тяжело вздохнув, к третьему пути подкатил белый, сверкающий остромордый «Невский экспресс». Лиде он всегда напоминал поезд из японского мультфильма «Унесённые призраками». Только тот ходил в одну сторону. «А это было бы даже забавно» – подумала Лида озоровато, предъявив аккуратной представительной тётеньке билет и заняв место у окна.

Вот оно, счастье! За окном золотая осень, накрапывает

дождь, в рюкзаке – томик Бунина, чтобы было чем себя занять в дороге, а впереди – туманный, сырой и промозглый город, которому не веришь ни на грош и в котором девушку никто не ждал и можно было просто гулять по улицам, радуясь каждой клеточкой души. Для Лиды Петербург был синонимом свободы. Свободы от всего: от деспотизма тётки, от обязательств, от учёбы, от серой, равнодушной, ни с кем не считающейся Москвы. В Петербурге можно было просто гулять, не глядя на часы и никуда не торопясь, потакая своим желаниям: захочется сходить в музей – их вокруг столько, что замучаешься выбирать; слишком сильно испортится погода – можно укрыться в какой-нибудь церкви (Лиду они привлекали исключительно с эстетической точки зрения); проголодаешься – перекуси в булочной или кофейне. И так можно бродить целый день, чувствуя себя не гостьей, а хозяйкой этого города или, по крайней мере, неотъемлемой его частью.

Наконец-то поезд тронулся. Этот момент Лида тоже всегда любила. Обязательно досматривала в окно до конца платформы – это была своего рода традиция, сбрасывание старой кожи, как у змеи. «Только змеи сбрасывают кожи, чтоб душа старела и росла...» – моментально уцепилась за знакомый образ память и процитировала Лиде из её любимого Гумилёва. «...Мы, увы, со змеями не схожи: мы меняем души, не тела», – договорила эта же память несколько секунд спустя.

Всё. Платформа кончилась, шкурка сброшена и душа уже пошла совсем другая – девушка охарактеризовала её одним словом: непредсказуемая. Она такая себе почему-то страшно понравилась и, удовлетворённо улыбнувшись, вся ушла в чтение Бунина.

Для двадцатичетырёхлетней девушки, едущей в одиночку в поэтичный город мира в самое романтическое время года, Иван Алексеевич составил приятную компанию. После его рассказов хотелось плакать из-за того, что Господь сотворил мужчин такими ранимыми, а женщин – такими соблазнительными и такими безжалостными. Конечно, и у него был целый ворох штампованных рассказов, построенных по принципу «увидел-влюбился-переспал-расстался», но всё это было написано таким потрясающим языком, а второй и третий пункты так вдохновляли, что рассказы не казались однообразными. И всё-таки Лида больше любила те, которые выбивались из этой схемы – «Холодную осень», «Поруганного Спаса», «Чистый Понедельник», не говоря уже, конечно, о «Митиной любви», доказавшей ей ещё пять или шесть лет тому назад, что если произведение заканчивается грустно – не надумано, а неизбежно, само собой – оно всегда лучше, романтичнее и крепче берёт за душу, чем те, что заканчиваются хэппи-эндами. В трагическом конце было что-то благородное. Он был лучшим и единственным доказательством того, что любовь была всерьёз. Потому что если всё завершается розочками и сча-

ством, становится немножко тошно – как если переест пастилы. Смысл героям страдать, если они когда-нибудь воссоединятся – и здесь писатель и остановится, как будто нет ни каждодневного быта, ни мелких семейных неурядиц? А вот если в финале разыгрывается трагедия, то читатель, усилием воли втянув слёзы обратно, вздохнёт: «А как всё могло бы быть, если бы...» и сейчас же остановится, почувствовав, что нет, по-другому быть не могло и лучше смерть и душераздирающие страдания неразделённой любви, чем набившая оскомину ванилька. Если человек умирает от горя – это по-настоящему, понятно, объяснимо и хочется плакать вместе с ним; если от счастья – скучно, как затянувшийся сериал. Вот за это, главным образом, Лида и любила Бунина.

Прочитала «В Париже». Понравилось. Сначала обещало быть пустячком из разряда того самого штампованного Бунина; кончилось трагично, хоть и как-то совсем ни с того ни с сего, но в целом тоже очень по-бунински. На этой ноте можно было и вздремнуть, и Лида сладко заснула, прижавшись щекой к жёсткому боку чемодана. Томик Ивана Алексеевича уютно прикорнул у неё на коленях. Из приоткрытого окна не дуло, но умиротворяюще тянуло прелым листом.

Когда Лида сошла с поезда, в Питере уже темнело. Невский проспект, разбегаясь в обе стороны от площади, зажигал яркие вывески. Выбравшись из здания вокзала, Лида с полминуты стояла, прикрыв глаза и жадно вдыхая этот совсем другой воздух, воздух свободы. В осознанном состоя-

нии она была в этом городе всего второй раз, но всё – и ломаный изгиб Невского проспекта в этом районе, и здание вокзала (вроде, брат-близнец того, которое в Москве, но стоит к площади под углом и от этого кажется гораздо торжественнее), и вечно висящая в воздухе морось (вот откуда в позапрошлом веке в этом городе бралось столько чахоточников!) – всё казалось таким родным, таким знакомым и до боли любимым, что щемило сердце, как от встречи с очень дорогим, но давно не виденным другом.

До знакомой гостиницы было два шага в почти что прямом смысле этого слова. Конечно, Лида с удовольствием ещё прогулялась бы по ночному Питеру, но в гостинице надо было появиться, а потом, от тепла, уюта и духоты, выходить больше не захотелось. Лида приняла с дороги душ, расчесала тяжёлой деревянной расчёской свои густые тёмно-каштановые волосы, натянула любимую ночную рубашку с надписью «Sleepless in Seattle» в честь известного фильма и, уютно устроившись на мягкой кровати одноместного номера, уснула.

II

Следующим утром было воскресенье, и Лида, проснувшись без будильника в полвосьмого, всерьёз задумалась над тем, чтобы пойти в какую-нибудь маленькую церковку: ей давно хотелось посмотреть, что представляет собой православное богослужение. Но пока оделась и вышла, раздумала: зачем тратить световой день на праздное любопытство, ко-

гда можно всласть нагуляться по городу, да ещё с фотоаппаратом?

Ноги сами привели девушку к прекраснейшему Спасу-на-Крови. Его она любила страстно, почти до экстаза, поэтому нафотографировала вдосталь со всех сторон. Почему на календарях и открытках так любят ракурс с канала Грибоедова? Со стороны Михайловского сада, когда выходишь – и собор поднимается перед тобой во всём великолепии – выглядит гораздо поэтичнее. А на маленькой площади возле храма копошится народ, играет музыка – чистейшей воды местный Арбат! Лиде вдруг захотелось танцевать и целоваться. Первого – слегка, от радости и от ощущения простора и музыки, второго – взахлёб, до изнеможения, а может быть даже со всеми вытекающими, но ни к чему не обязывающими последствиями. Девушка огляделась в поисках подходящей жертвы, но никого стоящего не нашла и пошла дальше куда глаза глядят.

Очнулась только у Петропавловского собора. Много же она прошла! А ноги совсем не чувствуют усталости. Ещё хоть столько же сможет пройти, если не больше.

Жёлтая стрела Петропавловки улетала ввысь, как будто хотела проткнуть облако и посмотреть на город со своей головокружительной высоты. От этих стен веяло добрым, солнечным уютом – жёлтым посреди серого Петербурга и совершенно в тон этой осени.

– Молодой человек, – обратилась Лида, невзначай поймав

за рукав какого-то долговязого юношу едва ли старше её, – можно Вас попросить меня сфотографировать?

Незнакомец покорно взял в руки тяжёлую Лидину «мыльницу», долго примеривался, отдавал дельные и чёткие, почти профессиональные команды, как девушке нагнуть голову или повернуться, и наконец щёлкнул затвором. Лида посмотрела превью на заднем экранчике и осталась очень довольна результатом.

– Ты профессиональный фотограф? – поинтересовалась она бесцеремонно, сразу переходя на «ты».

– Нет. Скорее, заядлый любитель. А Вы впервые в нашем городе? – эту штампованную фразу мальчик произнёс не заучено, а как-то очень естественно и просто.

– Да, – соврала Лида. – Вот смотрю, изучаю Санкт-Петербург... Где тут у вас лучше всего пофотографироваться?

– Езжайте в Павловск. Там знатные виды. Лес, дворец...

– Но мне понадобится хороший фотограф, – откликнулась девушка с невинно-кокетливым два в одном видом. – Какие у тебя планы на завтра?

От такого напора юноша как-то даже опешил. Отшить её сразу, сочтя, что это местная девица лёгкого поведения пытается склеить себе мальчика на ночь? Невежливо. А вдруг человек и правда хочет пофотографироваться, просто плохо воспитан, вот и выражает своё желание подобным образом?

– Завтра праздник в лавре. Я пою. Устану, наверное. А впрочем, потом можно. После обеда. Часа в три.

– Так ты певчий? А что за праздник? – задала Лида два вопроса сразу.

– Александр Невский. Престольный праздник в лавре и большое торжество в городе. Да, я пою на клиросе. Обычно – у себя, в церкви при нашей семинарии, но завтра, по случаю праздника – в самой лавре.

Пока он говорил, Лида приглядывалась к нему. Выше её, высокой и любящей каблуки. Почти два метра ростом. Простое лицо почти мертвенной бледности, узкое, из-за огромных глаз, пухлых губ и чуть вздёрнутого носа кажущееся почти детским. Но глаза, светло и блёкло-серые, тем не менее, не кажутся пустыми, а наоборот, ясны какой-то внутренней взрослой мудростью. «На таком детском лице – такие непростые, серьёзные глаза», – подумала Лида с интересом. Взгляд прямой, уверенный и открытый. Слишком тяжёлые для такого лица брови, тёмные и густые. А ресницы длинные и светлые, как у лошади. Пухлые обветренные и от этого обкусанные губы. Над ними – бледный едва пробивающийся пушок. Волосы совсем соломенного цвета, кажется, очень тонкие, от природы в мелкую кудряшку и непослушные, но собранные в тугой коротенький хвост, перехваченный обычной канцелярской резинкой.

«Вот, значит, какого спутника посылает мне судьба на этот отрезок пути» – думала Лида. Она привыкла везде, где бы ни была, находить себе объект для лёгкой влюблённости, которая испарится, как только девушка переступит по-

рог своей квартиры. Иначе было неинтересно.

Семинарист, значит. Экзотично, заманчиво. Семинаристов в её коллекции ещё не было. Несимпатичный? Это понятие относительное. Ко всему можно привыкнуть. Да и потом, ну не жить же ей с ним! Так, на недельку или полторы, пока она в Питере... Чтобы недохнуть со скуки, когда достопримечательности закончатся.

Только тут девушка обратила внимание, что они так и держат фотоаппарат с разных сторон. Как будто невзначай скользнула по корпусу пальцами и слегка коснулась руки мальчика. Он дёрнулся, как от ожога, так что фотоаппарат едва не полетел на брусчатку Петропавловской крепости. Лида еле поймала его и повесила себе на шею.

Подумаешь, недотрога какой! Ведь не маленький! Семинаристам не положено? Глупости. Семинаристы – тоже люди, и физиологические процессы у них работают, как у всех. А религия не должна калечить человеческую природу. Так что всё нормально. Простят. Поймут.

Как бы его задержать? Лида медленно двинулась в сторону Троицкого моста, продолжая задавать вопросы, и юноше ничего не оставалось как пойти с ней.

По дороге Лида выяснила, что зовут семинариста Сашей (завтра именины, стало быть), что лет ему всего девятнадцать (а выглядит, если не считать детского выражения лица, на все двадцать пять!), что престольный праздник – это день того святого или Евангельского события, в честь кото-

рого освящён храм или придел в храме, и ещё много чего познавательного и интересного.

Дойдя до набережной у противоположного от крепости конца моста, Лида купила мороженое. Села прямо на гранитный парапет набережной и кокетливо попросила:

– Сфотографируй меня ещё раз, пожалуйста.

– Освещение плохое, – отозвался Саша из-за объектива, – может не получиться.

– Я верю, ты справишься, – машинально пробормотала Лида и стала позировать.

На ней было длинное драповое пальто бледно-оранжевого, как морковь со сметаной, которой тётя пичкала её в детстве, цвета. Из-под него выглядывало ярко-жёлтое платье – Лида вообще обожала платья и длинные юбки. На ногах – удобные кожаные босоножки цветом чуть темнее пальто, на маленьком каблучке, ремешки элегантно обхватывают тонкие щиколотки. На шее горстка бус из золотого бисера. Каштановые волосы до плеч, лежащие мягкими волнами. Светло-карие глаза. Острый нос. Непропорционально большой и едва заметно кривой рот с тонкими капризными губами. Лида считала себя красавицей.

– Спасибо, – девушка повелительным жестом подала Саше руку, и он совершенно невозмутимо, недрогнувшей рукой снял её с парапета. «Надо будет покраситься в рыжий», – мелькнула у Лиды мысль. А пока она подошла, посмотрела в упор и спросила, делая вид, что обиделась:

– А чего ты такой неприкасаемый? Так машинально подал мне руку, неласково...

– Мы с тобой знакомы всего второй час, – простодушно пожал плечами мальчик.

Лида тряхнула головой и спросила совершенно другим тоном – грустным и как будто разочарованным:

– Не нравлюсь я тебе?

– Нет, – честно сознался Саша.

– Почему? – надула губы, как будто огорчилась.

– Потому что ведёшь себя как проститутка, – откликнулся мальчик холодно.

Тут впору было обижаться по-настоящему, но Сашино прямодушие Лиду обезоруживало. Она впервые в жизни не нашлась что ответить. Это было досадно. И тем сильнее в ней поднялось желание покорить, подчинить себе. «Всё равно ведь мой будешь, никуда не денешься! Так что ты не очень-то сопротивляйся!» – подумала девушка с разгорающимся азартом, засверкавшим колючими искорками в её глазах.

Лида надулась:

– В кои-то веки пытаешься вести себя непосредственно... – буркнула она и отвернулась. Засмотрелась на то, как сентябрьский ветер рябит отражение крепости в густо-синей воде Невы.

– Ну, если теперь это так называется... – добродушно усмехнулся Саша.

– А ты в семинарию пошёл по любви? – поинтересовалась Лида, не оборачиваясь.

– Не знаю людей, которые шли бы туда по расчёту. Расчёт не работает: больно платят мало. – Он говорил насмешливо, и Лиде это очень понравилось: ну вот, значит, тоже человек, тоже может проявлять эмоции, не превратился в засушенный цветочек, затиснутый между листьями старой нудной латинской книги.

– И в Бога, стало быть, веришь?

– Верю.

– А зачем? – Лида резко обернулась, глухо звякнули бисерные бусы у неё на шее.

– В смысле? – переспросил мальчик. – Что зачем?

– Верить в Бога.

Такая постановка вопроса Сашу удивила, но он с готовностью ответил, всё так же просто:

– А зачем верить в то, что завтра будет новое утро?

– Станный вопрос, – пожалала плечами Лида. – В него верь-не верь, оно всё равно наступит.

– Вот. Бог – Он тоже просто есть. И нам надо жить с этим фактом.

– Откуда такая уверенность? – продолжала спрашивать девушка. – А вдруг Его нет?

– Потому что так легче жить? – Саша даже не представлял себе, насколько в упор прозвучал этот вопрос. Лида напряглась: второй раз за день её заставляли врасплох. Обычно

она всегда знала, что и кому ответить, сохраняя при этом королевскую невозмутимость. Она привыкла чувствовать себя госпожой, а окружающих юношей – рабами, преклоняющимися перед её красотой и готовыми в любой момент отдать за неё жизнь.

– Наверное, – ответила она гораздо тише и мягче.

– А ты, как я понял, не веришь? – спросил Саша, как будто это стало понятно только что.

– Я не знаю, – ответила Лида честно. – Я агностик. Одни говорят, что Бог есть, другие, что нет, а я не знаю правильного ответа. И, если честно, не хочу знать. И у той, и у другой стороны есть весомые аргументы в пользу их точек зрения, они уравнивают друг друга, но ничего не доказывают... Поэтому я предпочитаю не задумываться над этим вопросом.

– Потому что так легче жить? – снова спросил юноша. Лида подняла на него глаза и увидела, что он улыбается. «Да он ещё и смеётся надо мной!» – разозлилась девушка. – «Значит, точно надо будет победить его! Судя по всему, это будет не так уж и трудно».

– Наверное, поэтому, – снова тихо и совсем другим тоном. – Родители верили. Пытались заставить меня ходить в церковь каждое воскресенье.

– Верили? – переспросил Саша, удивившись прошедшему времени.

– Да. Оба умерли. Автокатастрофа.

Мальчик помолчал, вздохнул, потом сказал, тоже тихо и очень серьёзно:

– Соболезную.

– А у тебя?

– Отец пьёт. Мать пытается вытащить его из этого состояния, но и сама иногда перехватывает. Братьев, сестёр нет.

– М-да, хрен редьки не слаще... Но в наше время это обычная ситуация.

Саша задумчиво покачал головой.

– О чём думаешь? О современной ситуации в стране?

– О том, какие мы оба с тобой одинокие, – ответил мальчик отрешённо, садясь рядом с ней на парапет и глядя куда-то в пасмурную сырую даль.

– У нас сейчас полстраны такие. Оборванные, одинокие и никому не нужные, – Лида протянула руку и поймала несколько мелких холодных капель.

– Опять дождь! – пробурчала она, раскрывая зонт.

– А ведь тебе это нравится... – всё тем же отсутствующим тоном продолжал Саша. – Повод продемонстрировать свой замечательный зонтик.

Лида закусил губу. Откуда он всё знает? Почему на него не действует эта напускная невинность, с которой она приподняла юбку, садясь на парапет, чтобы показать стройные ноги, или открыла зонт, чтобы потенциальная жертва лишней раз восхитилась? Может, заплакать при нём? Показать свою слабость, незащищённость перед жестоким миром?

На юношей это обычно действует безотказно. Но как всё сложно с этими верующими! Надо пускаться на ухищрения, в то время как любой другой уже сидел бы с ней в кафе за бокалом отменного красного вина, а потом они целовались бы в парке под завистливым взглядом какого-нибудь памятника и закончили бы этот утомительный день в её гостиничном номере, слившись воедино в страстных объятиях. Так было в абсолютном большинстве случаев, и девушка отказывалась верить и понимать, что в этот раз может быть как-то по-другому. Ведь не стенка же он и не из камня сделан!

Саша глянул на часы.

– Ого! Извини, мне пора.

– Завтра в половине четвёртого на вокзале города Павловска, – сказала Лида твёрдо.

– Договорились, – ответил юноша. У него появилась идея.

Вечером, лёжа в довольно жёсткой, но всё равно уютной кровати, Саша думал о сегодняшней встрече. «Ничего девочка... только замороченная очень... глаза такие несчастные... вот если бы её, так сказать, вразумить... вполне могла бы быть моей матушкой! Если только не крещена, иначе её бурная молодость не позволит». Поэтому он так легко согласился на Павловск. У него в душе тоже поднялся азарт, так сказать, спортивный интерес – проверить свои миссионерские способности. В дальнейшем, после рукоположения, Саша собирался посвятить свою жизнь проповеди, и эта встреча обещала быть плодотворной в смысле практи-

ки. С такими мыслями он уснул.

III

С утра Лида из интереса сходила на праздничную Литургию в лавру, ещё раз уточнила, что сегодня Александр Невский. «Перенесение мощей», как услужливо подсказала ей бабулечка за свечным ящиком. Что такое мощи, Лида знала: мощи – это останки людей, которых считают святыми. Но вот что такое «перенесение»? Разве не считают христиане, что раз похороненных лучше не тревожить? Так какое там перенесение? Откуда, куда и зачем? Воспользовавшись случаем, спросила всё у той же бабушки.

– Так ведь, царь Пётр наш город строил, нужно же, чтобы святые его охраняли... вот он и перенёс. К тому же он хотел наш город от шведов оградить, а князь Александр как раз и боролся со шведами.

Всё понятно. Князь Александр Невский разбил шведов на Чудском озере, и этого оказалось достаточно, чтобы его далёкий преемник побеспокоил его, мирно упокоившегося во Владимире, и перенёс вот сюда (хоть не так далеко, и на том спасибо!), чтобы князь – не по своей воле, а по хотению императора Петра – охранял его новый город от врагов, в том числе и от шведов. Ужасно логично, ничего не скажешь. Всё-таки, верующие – очень странные люди. Лида поняла, что у неё они вызывают недоумение и лёгкое презрение. Все, кроме одного. Тот – повышенный интерес. Хотя, в конечном итоге, как только она победит, добьётся своего

(а в этом девушка не сомневалась), она отпустит его на все четыре стороны, и он тоже станет для неё одним из сотен таких же, как все эти люди, собравшиеся на праздник. И Лида ушла, не дотянув до конца службы. Сходила в парикмахерскую, покрасила волосы в медно-рыжий, перекусила, прогулялась до нужного вокзала и ровно в полчетвёртого дня стояла на платформе в Павловске, держа в руках букетик ромашек – купила их чисто случайно с рук за довольно большие деньги. Во-первых, красиво, во-вторых, у Саши, сколь она поняла, сегодня именины, а значит, надо бы ему подарить. Надо стать невинной, воспитанной и предупредительной. Слишком приличный мальчик легче клонет на такой образ, чем на безбашенную профессиональную оболстительницу, какой она была вчера.

А вот и он. В летней светлой рубашке в крупную клетку и тёмных брюках. Весь в себе, кажется, и с двух шагов не заметит.

– Привет, – Лида подошла к нему, улыбаясь.

– Привет, – отозвался он, как будто невзначай выныривая откуда-то из глубины себя.

– С именинами! – девушка обеими руками протянула ему букет. Саша так по-детски растрогался, его бледное лицо залила краска, что Лида вдруг совершенно передумала соблазнять его. Он показался ей таким ребёнком, что это было бы варварством. Уж лучше просто подружиться. Сашина смущённая улыбка была такой трогательной, светлой, по-весен-

нему тёплой, что Лиде ужасно захотелось, чтобы он стал ей настоящим другом на всю жизнь. С друзьями не вступают в интимные отношения, это она знала железно. Дружба – это, пожалуй, самое светлое и благородное чувство на свете, его нельзя опошлять плотским союзом. Так пусть же Саша будет ей другом. А для лёгкого флирта со всеми вытекающими она подыщет себе кого-нибудь другого – менее невинного, более доступного.

– Спасибо... только у меня зимой именины, – сказал Саша проникновенным голосом. – Понимаешь, Александр Невский вспоминается два раза в год. Сегодня – перенесение мощей, а есть ещё шестое декабря – кончина. Мы говорим «преставление», но это одно и то же.

– Ну вот, не угадала... – огорчилась Лида. Потом легко махнула рукой, – Ну какая разница! Один ведь Александр!

– Ну да... Хотя в каком-то смысле этот день тоже меня касается. Во-первых, ты права, что Александр один и тот же, а во-вторых, у меня фамилия такая – Осенний. Так что, можно сказать, мы с этим праздником тѣзки – оба Осенние Александры. – Саша был так растроган и растерян, что Лида окончательно утвердилась в своей мысли не смущать его, а подружиться. Они пошли по восхитительному лесу, кормили белочек и разговаривали обо всём на свете, как будто были сто лет знакомы. И девушке всё больше нравился её новый друг, и она понимала, что ей и так хорошо и совсем не жалела о том, что вчера ничего не вышло. А что думал по этому

поводу Саша, она не знала. Но наверное, то же самое.

А Саша изучал её с интересом естествоиспытателя. Он ведь хотел на ней попрактиковаться в миссионерской деятельности. Он слушал её, порой сам задавал вопросы, и вскоре понял, что всё её стремление соблазнить и подчинить – наносное. От неуверенности в себе. Своего рода средство самозащиты. Просто Лиде хочется, чтобы все ею восхищались и постоянно ей это доказывали. Почему она считает, что доказывать надо непременно радикальным способом – это другой вопрос, но это, пожалуй, поправимо. За время прогулки юноша проникся к ней симпатией и сочувствием. А ещё она совершенно обворожительно смеялась. Когда Лида начинала смеяться, казалось, что из-за туч выходит солнце и звенят под ветром тысячи серебряных колокольчиков. Пожалуй, он мог бы влюбиться в неё за один этот смех, но пока Саше удалось держать себя в руках.

Когда они дошли до дворца, Саша немного пофотографировал Лиду, как она просила. Особенно хорошо удалась фотография, сделанная с чёрно-белым фильтром, на которой девушка получилась в полный рост, глядя не в кадр, а куда-то вдаль, в три четверти, с букетом в руках, а на заднем плане, нарочно нерезко, возвышается памятник Павлу I и нарочно задумчиво смотрит в противоположную сторону. Этот кадр так понравился Лиде, что она решила напечатать его и повесить у себя дома в рамку. Потом девушка отдала букет ему обратно, а он передал его бронзовому Павлу I на пло-

щади.

– Ты не обидишься? – спросил Саша, возлагая букет к памятнику.

– Нет, – Лида очаровательно повела плечом, – твой же букет. Хозяин – барин.

Смеркалось.

Когда девушка пожимала плечами, Саша успел положить букет и вернуться к ней. Заметил, что в том месте, где длинная шея начинает переходить в узкое и крутое плечо, у неё маленькая круглая, как капелька, родинка. Когда Лидино плечо приподнялось в недоумённом жесте, эту родинку прорезала тоненькая морщинка. И от этого юношу вдруг пронзило что-то совершенно необъяснимое. Ему ужасно захотелось немедленно, здесь и сейчас, коснуться этой родинки не то пальцами, не то сразу губами, и от одной мысли об этом тело пронизала незнакомая ему раньше сладкая дрожь. Саша закусил губу, понимая, что это и есть та страшная ловушка, в которую Лида всё это время норовила его поймать, и надо быть осторожнее. Попытался молиться, но слова путались в голове, выплывая оттуда каким-то беспорядочным потоком, совершенно не похожим на молитву. До боли закусил губу, борясь с искушением. Тоже не помогло. Вспомнил святого Мартина, который, чтобы избежать соблазна, встал босыми ногами в костёр. Но костра поблизости не было и развести его было нечем, да и причинить себе боль, чтобы опомниться, тоже. Лидино лицо в этот момент оказалось

как-то слишком близко от его лица, Саша даже чувствовал на своих щеках её дыхание. И, уже отбросив какие бы то ни было доводы разума, он потянулся к её губам, как лошадь тянется за лакомым куском сахара. Заходящее солнце, пробившись сквозь плотный слой облаков, озарило последними яркими лучами Лидины свежевыкрашенные медные волосы, бледно-оранжевое пальто и полы длинного розового платья (сегодня надела другое, шёлковое, не вчерашнее жёлтое). Теперь, в таком свете, она казалась совсем золотой. Золотой, тёплой и доброй – как садящееся солнце, как эта осень.

Как они снова оказались в Петербурге, никто из них не помнил. В гостинице Лида толкнула Сашу вперёд, в слабо освещённый коридор, чтобы отвлекшийся на телефонный звонок портье не заметил постороннего. Портье, не отрываясь от разговора и машинально по-голливудски улыбнувшись, выдал девушке ключ, она отперла дверь и прошла в комнату. Саша вошёл за ней. Помог ей снять пальто и неожиданно увидел, что розовое платье, удерживаясь на теле при помощи завязок сзади на шее, оставляло спину открытой. Лида, так и стоявшая к нему спиной, каким-то шестым чувством ощутила, что он это заметил. Господи, да она ведь нарочно сегодня утром надела такое откровенное платье, чтобы довести дело до конца, но как же ей сейчас этого не хотелось! Уж лучше просто мирно посидеть, попить чаю с шоколадными конфетами, посмотреть находящийся в номере плохо показывающий телевизор...

Увидев эту открытую, стройную и прямую, как у гимнастки, загорелую спину, Саша понял, что пропал. Какое-то время в глубинах его сознания ещё бултыхалась одинокая робкая мысль о том, что надо бежать, но в следующую секунду он уже приник губами к соблазнительной родинке – жадно, ненасытимо, со всем пылом первой юношеской страсти. Лида изогнулась, как кошка, от этого прикосновения, и по спине побежали мурашки. Если бы в этот момент она обернулась, то может быть, всё обошлось бы ещё невинными поцелуями и победоносным побегом жертвы, но, в растерянности, не зная, как переиграть всё обратно, она так и застыла, как неумолимый каменный истукан, спиной к Саше. И, обречённо, как будто ничего другого ему уже не оставалось, юноша потянул за завязки розового платья.

Та молниеносность, с которой оно соскользнуло вниз, потрясла даже Лиду. «Наверное, у него была скользкая подкладка», – подумала бы девушка в любой другой ситуации. Но сейчас она чувствовала на теле дрожь робких, но порывистых и горячих, как первый весенний дождь, поцелуев, и глаза и мысли застлал неопиcуемый сладкий туман, и было уже ни до чего на свете. Улетая в этом тумане куда-то ввысь, Лида ещё успела ощутить под спиной какую-то поверхность (кровать? Пол?), почувствовать, что ей щекотно от Сашиного дыхания. Но уже через мгновение всё смешалось в невероятный калейдоскоп ощущений, нежности пополам со страстью, разрозненных картинок, когда ей удавалось разглядеть

сквозь полуопущенные ресницы Сашино лицо, его растрепавшиеся волосы, цветок на подоконнике (неслыханный уют для гостиницы!). Для юноши это было искушение, наваждение, первый опыт подобного рода, поэтому он нырнул в этот омут с головой, со всей неукротимостью девятнадцати лет, прикикая к Лиде, как путник припадает к родниковой воде, пройдя долгий утомительный путь по накалённой солнцем пустыне...

Когда Лида открыла глаза, за окном было уже светло. Что лежит на кровати в собственном гостиничном номере, она сообразила только через какое-то время. Во всём теле ещё была необъяснимая истома, так что не хотелось не только подниматься, но и вообще шевелиться. Ещё немного посмотрев в потолок, девушка собрала мысли в кулак, пытаясь вспомнить, что вчера было. Сообразила, что в чём мать родила, наскоро закуталась в простыню и с невероятным усилием встала.

Саша сидел с ногами на стоявшем в углу комнаты стуле, весь сжавшись, упёршись локтями в колени и уронив голову в ладони. И, увидев его, Лида вдруг мучительно вспомнила весь сумасшедший вчерашний вечер, до мельчайших подробностей. И впервые в жизни от этих воспоминаний ей стало не сладко, а наоборот, до ужаса грустно. Она только сейчас по-настоящему поняла, что сотворила с этим ни в чём не повинным мальчиком, по сути ещё ребёнком. И неожиданно – тоже впервые в жизни – Лида показала самой себе

до тошноты противной, гадкой. Сделала шаг вперёд.

– Не подходи! – раздался сдавленный Сашин голос откуда-то из глубины. Но девушка уже стояла рядом. Сейчас он казался ей таким жалким, несчастным, маленьким, до невозможности любимым и хрупким, что хотелось только одного – немедленно пожалеть, убаюкать и успокоить, как засыпающего ребёнка. Девушка протянула руку и провела по спутанным соломенным волосам. Саша поднял голову, посмотрел на неё в упор (каким измученным и тревожным стал его взгляд!) и, почти дословно повторяя Лидины мысли, спросил громко, зло и надрывно:

– Что ты со мной сделала?! За что?! В чём я провинился, что ты отплатила мне так жестоко?!

И в этот момент Лиду почти оглушило такой невероятной внутренней болью, что слёзы хлынули из глаз произвольно, сами собой. Не помня себя, пытаюсь хоть как-то оправдаться, найти аргументы, хоть как-нибудь продраться сквозь эту невыносимую боль, девушка заговорила часто-часто, сбиваясь, путаясь, но продолжая говорить, искреннее, чем когда бы то ни было:

– Мальчик мой... я гадкая, я самая отвратительная женщина на Земле, а может быть, и за её пределами тоже... я так страшно виновата перед тобой... видит Бог, я уже не хотела... то есть, да, тогда, позавчера, мне безумно хотелось безудержной мужской страсти, и я попыталась получить её от тебя. И вчера, влезая с утра в это пресловутое откровен-

ное платье, я тоже ещё надеялась. Но потом, когда мы гуляли по Павловску, говорили так спокойно и откровенно, я передумала поступать с тобой так жестоко. Я так была далека от этого, я поняла, что чистота может быть гораздо сильнее и красивее соблазна. Мне захотелось от тебя доброй и преданной дружбы, не больше... Но тут, по каким-то непостижимым, необъяснимым законам природы, и сработала адская ловушка, подстроенная мною с утра. И я тоже, как видишь, попала в неё безвозвратно. Наверное, ты прав, Бог есть, иначе кто бы мог придумать такой великолепный и безотказный механизм, чтобы смирить меня и научить чувствовать раскаяние?

Саша всё смотрел на неё сквозь подступившие к глазам слёзы. И чувствовал, что для неё это первый порыв настоящей искренности, как для него – первый порыв настоящей страсти. И – да, он прекрасно понимал, что теперь его будущее священника загублено навсегда, и объяснил это Лиде, но пусть, пусть! Да пропади оно пропадом! Главное – Лида. О, как он ненавидел её сейчас за свою искалеченную жизнь – и как любил! Вот такую-настоящую, откровенную, незащитную, не пытающуюся казаться сильной или слабой нарочно. Вообще не пытающуюся казаться.

Лида тем временем продолжала распинаться. На неё обрушился такой шквал незнакомых доселе мыслей, что ей необходимо было выговориться. Она перешла почти на шёпот:

– Боже мой, я такая ужасная... как я могла так поступить

с тобой... лучше мельничный жернов на шею – и в море, так ведь там? – вспомнила неожиданно из Евангелия.

Она стояла совсем близко, Саше стоило только протянуть руки, чтобы коснуться её. Он протянул, крепко обнял её и сказал тоже шёпотом, задыхаясь от волны нежности, снова подступающей к горлу и не дающей дышать:

– Нет, нет. Кто из вас без греха, пусть первый бросит камень. Вот как там. И я лично первым брошу камень в того, кто посмеет сказать, что тебе нужно надеть на шею мельничный жернов и бросить тебя в море.

– Тогда тебе придётся бросить этим камнем в меня. И я буду тебе за это благодарна.

– Замолчи, – Саша поднёс руку к её губам. – Моя мама всегда говорила мне остерегаться двух вещей – распутных женщин и наркотиков. Ты – два в одном. Ты сломала мне жизнь, и я должен тебя за это ненавидеть. Но если бы ты знала, какой ты страшный наркотик! Как глоток ледяной воды посреди жаркого дня: чем больше пьёшь – тем больше хочется... Как же я тебя ненавижу!

– Ненавидишь? – Лида поняла, что он прав, но всё равно ужасно расстроилась. Вдруг поймала себя на мысли, что любит его по-настоящему, всерьёз, как никого и никогда не любила на всём белом свете.

– Люблю... люблю... – шептал Саша в перерывах между поцелуями, снова падая с головой в манящий и губительный омут и увлекая за собой Лиду. Опять всё закружилось в го-

лове и слилось в одну бессвязную картинку из цветных стёклышек калейдоскопа, опять по каждому уголку тела забежали приятные, чуть щекотные мурашки – и снова сладкий туман, дурман, восторг, ощущение тёплого дыхания, запах пота (сейчас даже он кажется приятным!) и сумасшедшее бие-ние сердца... А потом, когда схлынула и эта волна, они сидели, обессиленные, обнявшись, и вместе плакали, и губами снимали слёзы друг у друга с лица, и тихо, вполголоса, разговаривали:

– Саша, тебе пора... Занятия же.

– Какая разница? Какой смысл мне теперь учиться, если священником всё равно уже не стать...

– Нет-нет, они не должны ничего знать. Для них пусть всё остаётся по-прежнему.

– Нет, Лида, скрывать грех – ещё больший грех. Рано или поздно я должен буду всё рассказать.

– Тогда давай договоримся, что ты всё расскажешь не раньше, чем я уеду. Пожалуйста! Так будет лучше.

– Хорошо, пусть всё будет, как ты скажешь. Пусть всё-всё на свете будет, как ты скажешь... Ты – наркотик, смертельный и сильнее всех, какие только существуют на свете. Теперь я уже не смогу от тебя оторваться. Ты победила.

– В этой битве мы оба победили и оба проиграли. Я соблазнила тебя, а ты укротил меня, дал понять, что это не пустяки, не игра, научил любить по-настоящему. Я ведь теперь тоже не смогу без тебя. Возрадуйся: ты прав, Бог есть.

Как мерзко всё это начиналось – как светло сейчас. Кто ещё мог бы всё так гениально разрулить?

– Светло? Хотя да, ты права. Теперь мы оба падшие и погибающие, но нам надо было пройти через самые страшные круги ада, чтобы найти настоящую любовь.

– Да. Ты умница, мой бедный маленький мальчик. Ведь чтобы отыскать сокровище, надо очень долго копаться в пыли и грязной земле.

– А бывает, что не находят.

– Я не находила до сегодняшнего дня. Это всё было так, игрой, развлечением, любимым времяпрепровождением, чтобы вырваться из рутины скучных будней.

– У тебя было много мужчин?

– Сбилась со счёта... и один ты – потому что только ты любимый. Ты веришь мне? – вдруг испугалась Лида.

– Ни на грош – и всецело. Верю, как последний дурак. Потому что тоже люблю тебя.

– Саша, тебе и правда пора. Не хочу, чтобы у тебя были проблемы... – она смутилась, поняв, что проблемы всё равно будут, и очень большие, но они ведь условились, что юноша никому ничего не расскажет, пока Лида не уедет обратно в Москву. Поспешно добавила, – По крайней мере, сейчас.

– А мы когда-нибудь ещё встретимся? – спросил Саша, поднимаясь и впопыхах влезая в рубашку и брюки.

– Конечно. Обратный билет только на воскресенье. У нас ещё целых шесть дней впереди.

– Шесть дней... Как много и как мало... ты будешь ждать меня?

– Буду. В Митрополичьем саду, на скамейке. Когда у тебя теперь свободное время?

– После обеда. Да и обед можно прогулять.

– Нет, не надо прогуливать обед. Ты всё-таки ешь, а то совсем исчезнешь. Вон какой тощий!

– Я всё равно буду думать только о тебе, и на обеде, и на занятиях. Вот что ты со мной сделала! – он сказал это уже со смехом, и у Лиды почти отлегло от сердца. Но когда, крепко и длительно поцеловав её на прощание, Саша ушёл (благо, идти от гостиницы до семинарии было не так уж долго, тем более, если на метро), девушка упала на развороченную постель и заплакала от совершенной безвыходности ситуации.

IV

В семинарии, надо сказать, ничего не заметили: Саша успел вернуться раньше подъёма. Да, ночью был обход, но его сосед по комнате на вопрос, где Александр Осенний, ответил дежурному что-то убедительное, и на этом дело и кончилось.

Он по-прежнему посещал все занятия, даже отвечал и продолжал получать хорошие оценки, но всё-таки что-то едва уловимо изменилось. Занятия впервые стали казаться ему скучными и как-то не про него. Если раньше каждое слово было родным, касалось его так же, как и остальных, и понималось и принималось, что называется, всеми фиб-

рами души, то теперь вся эта наука куда-то соскальзывала, оставаясь, может быть, в сознании, но не в сердце. По ночам ему снилась Лида, днём, в свободное послеобеденное время ей даже сниться было не нужно, потому что она была рядом, живая. Первые раза два они пытались гулять по городу и делиться впечатлениями прошедшего утра, но Саша был прав, сказав, что Лида была для него наркотиком, а времени от обеда до вечера было не так уж и много, поэтому чаще всего, дойдя от лавры по Невскому до гостиницы, они забивались в Лидин одноместный номер, и всё повторялось сначала, как бесконечная карусель, с которой не так-то просто спрыгнуть на полном ходу.

Самым сложным во всём этом было обмануть портье, но каким-то чудом ребятам каждый раз это удавалось. Портье было три, они работали посменно, поэтому это было несколько легче, чем с одним. Хотя пару раз они чуть не попались, но в итоге счастливо обошлось.

И всё-таки иногда они ходили гулять. Тут существовала опасность встретить кого-нибудь из Сашиних друзей-семинаристов, но мальчик не очень-то боялся:

– Подумаешь! Скажу, что гуляю со своей девушкой. Что, нельзя, что ли? Тем более, что это правда.

Лиду поражала и тревожила произошедшая в нём перемена. Теперь он казался старше, злее, насмешливей, а самое страшное – выражение его глаз так и сохранило ту невероятную боль, которой Саша так поразил её тогда. Казалось, это

глаза наркомана, пытающегося слезть с иглы, или запойного алкоголика, в неожиданном просвете ужаснувшегося своему состоянию. О том их первом вечере после поездки в Павловск они не вспоминали. Проходили подчас очень большие расстояния и показывали друг другу любимые уголки города. Саша согласился с Лидой, что Спас-на-Крови, который он тоже нежно любил, но не за красоту, а за метафизику, гораздо лучше воспринимается из Михайловского сада, чем с канала. В Казанском соборе он рассказал ей о чудотворной иконе Божией Матери, которую надёжно берегут эти стены (а может быть, она их), но подойти не дерзнул. В Исаакиевском они забрались на колоннаду и любовались открывавшимися оттуда видами Петербурга. В Петропавловском соборе Саша долго ходил, молча и сосредоточенно, временами останавливаясь у того или иного надгробия, как будто о чём-то разговаривая с покоящимися под гранитными камнями императорами, императрицами и их многочисленными детьми и прочими родственниками. Он знал их всех по именам и родственным связям и о каждом мог сказать хоть пару добрых слов, так что Лида не уставала удивляться. У юноши было какое-то совершенно особенное отношение к смерти. С одной стороны, он относился к ней с большим пиететом, считая, что смерть всегда права, потому что её посылает Бог, если это, конечно, не самоубийство. С другой, как христианин, он в принципе отказывался верить в существование этой самой смерти, и мог ничтоже сумняше-

ся обратиться, скажем, к тому же Александру II, стоя у его могилы. На Лидино недоумение рассказал ей дивную историю о перенесении мощей Иоанна Златоуста. Великий отец Церкви, который не щадил живота на борьбу с ересями, умер по дороге в ссылку, так и не добравшись до конечной её точки – Пицунды (представляешь, в Пицунду ссылали! А для нас курорт), в маленьком селении Команы, где и был похоронен. А когда гроза миновала и правая догма окончательно утвердилась в Константинополе, император (к слову, его мать, императрица Евдоксия, постоянно получала от Златоуста нагоняй за своё поведение) решил перевезти мощи великого святого обратно в Константинополь. Но никакая сила не могла сдвинуть гробницу с места, о чём доложили императору. Тот понял и прислал письмо, адресованное лично Иоанну, в котором просил у него прощения за себя и мать. И после того, как письмо было зачитано у гробницы святого, посыльным удалось поднять гроб и отвезти тело святителя в столицу. Лида слушала очень внимательно, ей изо всех сил хотелось поверить, но были какие-то внутренние препятствия, которые мешали ей погрузиться в веру так же не рассуждая и с головой, как они с Сашей каждый день погружались в страсть.

Так, то с солнцем, то с дождём, то с пронзительным ветром с Финского залива, неизменно с бурей чувств и с прогулкой по прекрасному городу, проходили по-северному короткие осенние дни.

– Давай заявление подадим? – сказал Саша однажды, бессильно откинувшись на кровать после очередного прилива нежности.

– Обязательно подадим, только я сначала должна предупредить тётю. Она с ума сойдёт, если я вовремя не вернусь. Я приеду, всё ей расскажу, соберу вещи и вернусь. И мы никогда-никогда уже не расстанемся.

До отъезда оставался вечер. Только сейчас и Лида, и Саша осознали, что в принципе могут расстаться дольше, чем на одно утро, и у обоих мучительно защемило сердце при этой мысли. В этот вечер они гуляли дольше обычного (юноша даже прогулял ужин), смотрели, как в последних лучах догорает золотом игла Петропавловского собора на фоне потрясающего фиолетово-лилового заката, пили вино в ресторанчике на Фонтанке, заедая его кальмарами (на последние деньги можно и разгуляться!), танцевали вальс на Дворцовой площади (благо, был уже вечер и никого не было) и целовались на Васильевском острове, который оба любили.

Днём на Московском вокзале, минут за двадцать до поезда, стояли, обнявшись, и никак не могли разлучиться, и Лида тихонько, на ушко, в свойственной ей манере шепнула Саше очень важную и прекрасную новость:

– Доигрались! К середине мая жди прибавления!

– Да ты что! Лидочка, как это здорово... – он аж задохнулся от радости и сейчас даже был похож на себя прежнего, солнечного и тихого. Как Лиде хотелось, чтобы он оставался

таким всегда! Но она мучительно знала, что это она виновата в этой жестокой перемене, в том, что Саша уже никогда не будет таким, как в тот день, когда она поймала его за рукав в толпе и попросила сфотографировать её у Петропавловки. Старалась об этом не думать, чтобы не сойти с ума, поэтому почти не смотрела ему в глаза: знала, что не сможет. А тут решилась. Ей хотелось задержать в памяти его взгляд, чтобы не забывать того, чему так внезапно научила её судьба за эту неделю. Она решила твёрдо: приедет, всё скажет тётке и, не слушая её упрёков, причитаний и восклицаний, уедет к Саше. Родит ему сына и назовёт его Константином, и будут они жить втроём где-нибудь в уютной квартирке в чудесном городе, а Саша бросит семинарию, раз всё равно нет больше смысла там учиться, и устроится куда-нибудь в институт. Получит образование и светскую, неплохую профессию. Это ли не счастье! Вот таким вот и будет финал этой безбашенной, глупо растраченной жизни, споткнувшейся о тоненькую соломинку настоящей любви.

Заглянула. Глаза под светлыми лошадиными ресницами по-прежнему смотрели с непередаваемой тоской и болью, перемешанной с нежностью при взгляде на неё. До отхода поезда оставалось совсем чуть-чуть времени. Обрато Лида ехала не на «Невском экспрессе»: на него не хватило денег, — а на обычном поезде, проходящем из Мурманска. Надо было садиться, он стоял в Петербурге совсем немножко, а ребята всё никак не могли расстаться. В конце концов, скрепя

сердце и попытавшись взять себя в руки, крепко и длительно поцеловала Сашу и шагнула в распахнутую дверь поезда. Предъявила билет, поставила чемодан на своё место и долго махала рукой из окна и, дыша на стекло, рисовала на нём сердечки. А Саша улыбался, чтобы не заплакать, и тоже махал рукой, и крестил её на прощание широким летящим взмахом руки.

В поезде Лида дремала, читала Бунина (так вот кто во всём виноват!) и всё думала о том, что есть, наверное, мировые законы, которые срабатывают в самые неожиданные моменты и ставят всё на свои места. «Не рой другому яму – сам в неё попадёшь» – вспомнилась пословица. Хотела поиграть и забыть – поняла, что это не игрушки и впервые в жизни полюбила по-настоящему. И теперь уже не забудешь, не переиграешь, потому что и Саша теперь втянут в эту мёртвую петлю, потому что где-то там, в глубинах её существа, мирно посапывает совсем маленький, микроскопический Константин (а если девочка, то Полюшка, Аполлинария), и это уже не шутки, а самая настоящая жизнь.

V

О том, что поезд сошёл с рельсов где-то на подходах к Москве, Саша узнал почти случайно, читая новости в интернете утром перед Литургией (было воскресенье). Сам удивился тому спокойствию, с которым принял эту новость. Написанная буквами на экране, без упоминания имён, она казалась абстрактной, отдалённой. И только когда он почти

машинально открыл список погибших, царапнула по сердцу бесстрастная надпись «Коростелёва Лидия Сергеевна, 10.04.1988». Но это тоже были только буквы, никак не складывающиеся в смысл. Саша выключил компьютер и пошёл в церковь. По дороге почувствовал, что лицо у него мокрое. Удивился, потому что дождя в то утро не было. И только зайдя в церковь, осознал, всем существом прочувствовал то, что прочёл. Это для составителей новостей «поезд такой-то „Мурманск-Москва“ сошёл с рельсов там-то и там-то, столько погибших», а для него Лиды больше не было и ни одна новостная служба не смогла бы этого передать. И в этот момент невероятная, страшная боль, страшнее всего, что он когда-либо испытывал в жизни, даже мучительнее той боли, которую чувствовал после собственного грехопадения, вонзилась в него тысячей остро заточенных стрел. Слова собрались в смысл, и смысл этот был невероятным. Таким, что, осознав его до конца, Саша упал как подкошенный на колени посреди храма и зашёлся в таких рыданиях, что в окнах задребезжали стёкла. Было раннее утро, и в храме ещё никого не было, кроме священника. Добрейший отец Вадим, облачавшийся в алтаре, услышал эти страшные звуки и поспешил выйти в притвор, чтобы узнать, что случилось. Саша попросил исповеди. Стоя перед аналоем с лежащими на нём Крестом и Евангелием, он рассказал отцу Вадиму всё, что, как нагар, наболело на душе за эту головокружительную неделю – и про то, как его выхватили из толпы и попросили сфо-

тографировать, и про Павловск, и про свои мысли по поводу миссионерства, и о родинке и розовом платье, сведших его с ума, и о немых вечерах. Когда дошёл до крушения поезда, перехватило горло и из глаз снова потекли слёзы, только уже не бурные, а тихие и совершенно безнадёжные. Он плакал и всё никак не мог остановиться, так что отец Вадим даже ободрительно похлопал его по плечу. Наконец, Саша договорил и опустошённо посмотрел на священника. Пролепетал как-то блёкло – ему показалось, что говорит не он, а кто-то другой, незнакомый:

– Наложите епитимию. Отчислите из семинарии.

– Да что ж это такое! – добродушно воскликнул отец Вадим, – Пятый семинарист за полгода! Этак мы лучших учеников растеряем! Видимо, правы были средневековые схоласты: женщина – сосуд дьявола.

Он говорил по-доброму и с юмором, так что боль, засевавшая в Сашином сердце, потихонечку отпускала и превращалась в тихую, умиротворённую пустоту. Как будто ему ампутировали какой-то жизненно важный орган, и эта операция была нужна, чтобы не погиб весь организм, и теперь уже не болит.

Отец Вадим решил так: священником Саша действительно уже не станет, хоть это и обидно, поскольку он был одним из лучших учеников, но в семинарии доучится до конца, раз уж начал: в конце концов, «богословы в миру», как называл их отец Вадим, или монахи с богословским обра-

зованием никому ещё не мешали. И строгую епитимию он на него возлагать не будет. Просто не допускает до Причастия в течение месяца и наказывает положить определённое количество земных поклонов.

– Ты и так уже довольно наказан. Врагу не пожелаешь!

Даже отец Вадим, кажется, был огорчён до слёз. Но Саша шёл от исповеди успокоенным. Большой орган ампутировали, а анестезия ещё не прошла, поэтому теперь не болело, но и не ощущалось ничего. Стоя на Литургии на привычном месте на левом клиросе и подпевая хору, он думал о том, насколько премудр Господь, помогающий нам иногда распутать самые невероятные узлы, которые мы так старательно напутываем из собственной жизни. И почему-то он понял, что, будь Лида жива, она не вернулась бы. Привычная обстановка, рутина, суровая тётка, привыкшая держать племянницу у своей юбки – если всё сложить вместе, то получится непреодолимый ком препятствий, который не пустил бы Лиду обратно к нему. «Не надо было её отпускать», – отголоском той самой страшной боли мелькнула в голове мысль. Но он тут же отогнал её от себя. «Глупости! Конечно, вернулась бы! Она же обещала! И это не было обманом или уловкой, она изменилась с тех пор, она взаправду полюбила его, ждала от него ребёнка, чувствовала вину и очень хотела вернуться. Так было больнее, но Сашина внутренняя интуиция подсказывала ему, что так было правильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.